

Д.И. ПОБЕДАШ

**ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ МИР В ОЦЕНКЕ АМЕРИКАНСКИХ
РЕАЛИСТОВ**

На протяжении более чем полувека доминирующей в США парадигмой изучения международных отношений остается политический реализм. Американские последователи политического реализма не являются исключительно кабинетными теоретиками, но активно участвуют в практической выработке и проведении в жизнь внешнеполитических решений¹. Показателен перечень лиц, которым, например, президент Дуайт Эйзенхауэр поручил выработать практически применимую теорию внешней политики². Это исследователи международных отношений, заложившие основы политического реализма: профессор Чикагского университета Ганс Моргентау, профессор Йельского университета Арнольд Уолферс, профессор Колумбийского университета Уильям Фокс (бывший также одним из учителей ставшего позднее основателем структурного реализма Кеннета Уолца), дипломаты Пол Нитце и Джордж Кеннан, публицист Уолтер Липпман³, Дин Раск, работавший во всех администрациях от Трумэна до Джонсона и прошедший путь от помощника министра обороны до госсекретаря. Примечательно, что Д. Раск в 1934 – 1940 гг. преподавал в Миллз-Колледж (Окленд, Калифорния), а по завершении дипломатической карьеры вновь вернулся к преподаванию и стал в 1970 г. профессором Университета Джорджии. Взаимодействие и взаимопроникновение академической и политической элит привело к возникновению «академическо-политического комплекса», в котором университеты стали гигантскими

¹ Выпускник и профессор Принстонского университета Джордж Кеннан занимал ответственные посты в Госдепартаменте США, профессор Чикагского университета Ганс Моргентау готовил аналитические доклады по поручению Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди, Л. Джонсона, профессор Гарварда Генри Киссинджер был госсекретарем при Р. Никсоне и Дж. Форде, профессор Чикагского университета Джон Миршеймер и профессор Принстонского университета Роберт Гилпин занимали командные должности в ВВС и во флоте соответственно, профессор Чикагского университета Чарльз Глэзер служил аналитиком в управлении стратегического планирования в комитете начальников штабов, профессор Дартмутского колледжа Майкл Мастандуно занимал высокий пост в министерстве торговли, профессор Пенсильванского университета Роберт Штраусс-Хюле был послом США при Р. Никсоне, Дж. Форде, Р. Рейгане, профессор Стэнфордского университета Кондолиза Райс – нынешний госсекретарь США.

² Thompson K. W. Toward a Theory of International Politics // The American Political Science Review. – Vol. 49, No. 3 (Sep., 1955) – p. 733-746. // <http://links.jstor.org/sici?sici=0003-0554%28195509%2949%3A3%3C733%3AATATOIP%3E2.0.CO%3B2-W>

³ Выпускник Гарварда Уолтер Липпман, один из виднейших американских политических журналистов, был одним из советников В. Вильсона, неофициальным внешнеполитическим советником Дж. Кеннеди и Л. Джонсона.

станциями обслуживания запросов сильных мира сего, причем в этой функции превратились в неотъемлемую и незаменимую часть системы⁴.

В 1990-е гг. система международных отношений претерпевала кардинальные изменения. Распалась существовавшая на протяжении почти полувека биполярная система, начала складываться новая система международных отношений, которую А.Д. Богатуров называет плюралистической однополярной. Новые реалии складывающегося миропорядка потребовали выработки новых внешнеполитических стратегий, на что и направили свои усилия американские политические реалисты.

Так, летом 1989 г., еще до распада Советского Союза, гарвардский профессор и консультант-аналитик Института оборонного анализа, Центра военно-морского анализа и Национального университета обороны Стивен М. Уолт рассматривает различные «большие стратегии», которые могли избрать для себя США⁵. Примечательно, что Уолт дает определение «большой стратегии» как обеспечения безопасности государства, тем самым сразу переводя анализ на излюбленное поле политического реализма.

Одна из реалистских стратегий, которые анализирует С. Уолт – нео-изоляционизм, согласно которому союзники США в силах самостоятельно обеспечить свою безопасность, самим же Соединенным Штатам достаточно маленькой армии, береговой охраны и ядерных сил сдерживания. По мнению сторонников данной стратегии (к которым С. Уолт относит, например, Кристофера Лэйна⁶), необходимо отказаться от глобальных обязательств, перейти к защите только западного полушария или только континента.

Еще одна из оцениваемых С. Уолтом стратегий – высвобождение (disengagement), частичный отход от традиционных обязательств США по отношению к Западной Европе. Одни из ее сторонников призывают снизить уровень присутствия США в Европе и уделять больше внимания странам третьего мира или азиатско-тихоокеанскому региону, другие считают необходимым полный вывод американских контингентов из Европы ради сокращения военного бюджета.

Подход, сторонником которого является сам С. Уолт – ограниченное сдерживание – напоминает стратегию, которую очертили еще Джордж Кеннан, Уолтер Липпманн и Ганс Моргентау, и которая была нацелена на сдерживание советской экспансии в Евразии. Предотвраще-

⁴ Campbell D. International Engagements: The Politics of North American International Relations Theory. // Political Theory – Vol. 29, No. 3 (Jun., 2001) – p. 432-448. // <http://links.jstor.org/sici?sici=0090-5917%28200106%2929%3A3%3C432%3A1ETPON%3E2.0.CO%3B2-6>

⁵ Walt S. M The Case for Finite Containment: Analyzing U.S. Grand Strategy // International Security – Vol. 14, No. 1 (Summer, 1989). P. 5-49. // <http://links.jstor.org/sici?sici=0162-2889%28198922%2914%3A1%3C5%3ATCFCA%3E2.0.CO%3B2-C>

⁶ Предлагаемая К. Лэйном стратегия «оффшорного балансирования» рассматривается далее на материале его статьи 1997 г.

шение советской экспансии не просто пережиток «холодной войны», оно отражает традиционную заинтересованность США в том, чтобы одна держава не получила контроль над совокупными ресурсами Евразии. Стратегия ограниченного сдерживания предусматривает поддержание надежного ядерного потенциала сдерживания, сохранение альянсов с Западной Европой, Японией и Кореей (при сохранении нынешних контингентов сухопутных и военно-воздушных сил), а также подразумевает решимость США обеспечить Западу доступ к нефти Персидского залива. Тем не менее, ограниченное сдерживание не сводится к сохранению статус-кво. На протяжении почти всего периода «холодной войны» стратегией США в основном было глобальное сдерживание с периодическими попытками «отбрасывания» сателлитов СССР. В отличие от глобального, ограниченное сдерживание нацелено на предотвращение экспансии соперников США только в тех регионах, которые еще Джордж Кеннан определил как ключевые центры индустриальной мощи (Западная Европа и Япония). Таким образом, ограниченное сдерживание не предусматривает применения американской военной мощи в странах третьего мира (за исключением Персидского залива, от нефтяных ресурсов которого зависят индустриальные страны). И, в отличие от «отбрасывания», ограниченное сдерживание не предусматривает глобального крестового похода против марксизма. Необходимо отметить, что положение о «крестовом походе» дословно повторяет самое первое из фундаментальных законов дипломатии, выведенных Гансом Моргентау в его классическом труде «Политика между нациями» – дипломатия и внешняя политика государства не должны иметь ничего общего с духом «крестового похода», поскольку это практически неизбежно приведет к войне⁷. При использовании данной стратегии США останутся глобальной военной державой, однако смогут пойти на значительное сокращение военных расходов. Таким образом, данная стратегия позволит несколько облегчить финансовые трудности, испытываемые Америкой, но не поставит под угрозу ее жизненно важные интересы.

В полном соответствии с постулатами классического реализма, С. Уолт подчеркивает, что стратегия ограниченного сдерживания признает односторонность внешней политики, основанной на идеологических догмах, и определяет вместо таких догм ряд реалистических целей. По его мнению, прежде всего, лидеры США должны осознать, что попытки насаждения демократии с помощью военной силы приведут к серьезным разногласиям даже в отношениях с ключевыми союзниками, а осуществление «крестового похода» с целью насаждения амери-

⁷ Morgenthau H. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 1960. P. 561.

канских ценностей, как правило, требует отступления от тех самых идеалов, которые он призван распространять⁸.

Основатель неореализма профессор Калифорнийского университета Кеннет Уолц осенью 1993 г. рассуждает о новой структуре международных отношений, которая идет на смену рухнувшей bipolarности⁹. Неореализм, или, как его чаще называет сам К. Уолц, структурализм утверждает, что поведение государств во многом определяется международной системой, в которой они находятся. Во второй половине 1980-х гг. структура международной политической системы начала меняться. Как полагает К. Уолц, в ближайшие 10 – 20 лет великими державами могут стать Западная Германия или «Западно-Европейское государство», Япония и Китай. Советский Союз, утверждает К. Уолц, выпал из ряда великих держав, что делает затруднительным определение структуры международной системы, как на данный момент, так и в будущем. Ранг великой державы, по мнению К. Уолца, определяется сочетанием следующих факторов: население, территория, наличие природных ресурсов, экономический потенциал, военная мощь, политическая стабильность и компетентность. К. Уолц практически полностью, за исключением только национального характера и духа, повторяет приводимый Гансом Моргентау список составных элементов национального могущества¹⁰. Далее К. Уолц утверждает, что ядерное оружие само по себе не делает обладающее им государство великой державой. Англия и Франция не стали великими державами, приобретя его. Россия же остается великой державой из-за грандиозных ресурсов, населения, территории, ключевого положения в Евразии. После распада СССР никакая страна или коалиция стран не может более сдерживать США. С другой стороны, еще Франсуа Фенелон (1651 – 1715) понял, что гегемон не может долго придерживаться умеренной политики. Теория баланса сил доказывает, что другие страны, самостоятельно или в коалициях, попытаются уравновесить мощь США. К. Уолц подчеркивает, что наличие ядерного оружия меняет соотношение между экономическим и военным потенциалом страны. Теперь государство с экономическим потенциалом вдвое меньшим, чем у гегемона, может конкурировать с ним в военном отношении, если изберет стратегию сдерживания и политику, направленную на сохранение статус-кво. Соответственно, мировой лидер не может использовать свое экономическое превосходство с тем, чтобы достичь военного доминирования или значительного стратегического превосходства.

Продолжая прогнозировать возможное развитие международной системы, К. Уолц предполагает, что под давлением глобализации ведущие

⁸ Walt S. M The Case for Finite Containment. P. 46-47.

⁹ Waltz K. N. The Emerging Structure of International Politics/International Security. – Vol. 18, No. 2 (Autumn, 1993) – p. 44-79. //<http://links.jstor.org/sici?sici=0162-2889%28199323%2918%3A2%3C44%3ATESOIP%3E2.0.CO%3B2-R>

¹⁰ См. Morgenthau H. Politics Among Nations. P. 101-149.

страны постараются укрепить свое экономическое влияние в странах, от которых они в чем-либо зависят или с которыми тесно связаны. Из-за наличия сильнейшей и все более нарастающей конкуренции, весьма вероятно разделение мира на торговые блоки в Азии, Европе и Америке, причем Россия останется могучей в военном отношении державой, но в экономическом аспекте останется на обочине исторического прогресса. По иронии судьбы, считает К. Уолц, весьма вероятно, что в грядущем столетии Германия и Япония будут играть ту роль, к которой они стремились в двадцатом веке: Германия будет доминировать в Европе, Япония – в Азии¹¹. По мнению Уолца, растущая активность Германии и Японии отражает изменяющуюся структуру международной политики. Рост экономического потенциала страны до уровня великой державы делает ее центром регионального и глобального значения, расширяет диапазон ее интересов, увеличивает ее влияние. Большие объемы внешней торговли еще более усиливают ее позиции в мире. Однако в анархической системе, где государства руководствуются принципом «помоги себе сам», отсутствие ядерного оружия в арсенале государства, при наличии всех иных составляющих статуса великой державы, приводит к тому, что это государство оказывается зависимым и уязвимым. Страны всегда конкурировали в сферах экономики и безопасности, эта конкуренция часто приводила к конфликтам. Уолц считает, что изменения в структуре международной системы не стали столь значительными, чтобы отменить или смягчить подобную конкуренцию. С его точки зрения, зависимое и уязвимое положение Японии в конечном итоге заставит ее наращивать свою военную мощь, несмотря на нежелание многих японцев¹². Раньше Япония была защищена ядерными и военно-морскими силами США, которые не рассматривали экономическую целесообразность своего присутствия в Японии, поскольку, как указывает Уолц, во время «холодной войны» Соединенные Штаты отдавали приоритет соображениям безопасности в ущерб экономической конкурентоспособности. После окончания «холодной войны» жесткое военное противостояние ушло в прошлое, зато стала нарастать экономическая и технологическая конкуренция. Международное положение страны определяется ее материальными ресурсами. Если экономика страны соответствует уровню великой державы, это государство становится великой державой, хочет оно этого, или нет. Отказ стать великой державой, по выражению Уолца – структурная аномалия. Из этих положений неизбежно вытекает вывод, что Япония и Германия в конечном итоге станут ядерными державами. Кроме того, Китай также чрезвычайно быстро становится великой державой по всем параметрам – растет его военная мощь, продолжается внутреннее экономическое развитие, расширяется внешняя торговля. Таким образом, подытоживает Уолц, даже если Европейский Союз не станет единым по-

¹¹ Waltz K. N. The Emerging Structure of International Politics. P. 61-63.

¹² Ibidem. P. 64-65.

литическим образованием, мир будет многополярным, с четырьмя или пятью великими державами, одной из которых будет либо ЕС, либо Германия. В конечном итоге, США, Япония, Германия (сама по себе или в составе ЕС) и Россия будут сосуществовать в давно известном изменчивом мире баланса сил¹³. Данная картина мира практически совпадает с представлениями Генри Киссинджера и Ричарда Никсона, которые говорили о предстоящем складывании мировой системы баланса сил среди пяти игроков, в число которых включались США, Европа, Советский Союз, Китай и Япония¹⁴. Впрочем, в отличие от К. Уолца, считавшего биполярную систему более стабильной, Г. Киссинджер и Р. Никсон отдавали предпочтение многополосному балансу сил.

К. Уолц утверждает, что в соответствии с теорией баланса сил слабые государства будут объединяться против сильнейшего. Следовательно, в зарождающемся многополярном мире государства будут прибегать к политике баланса сил, объединяясь против США – Германия будет сближаться с восточной Европой и Россией, Россия – с Германией и Японией. Европа и Россия могут на протяжении недолгого промежутка времени рассматривать НАТО и американское присутствие как стабилизирующий фактор в Европе, однако затем и то, и другое потеряет смысл, поскольку в военном отношении Европе никто не угрожает, а Америке нет смысла нести военные расходы в мире, где снижается военное и обостряется экономическое и технологическое соперничество. Таким образом, К. Уолц полагает, что годы НАТО сочтены, хотя дни – еще нет. В данное время еще можно рассчитывать, что НАТО будет сдерживать Германию, однако когда новая Германия прочно встанет на ноги, она не позволит себя сдерживать ни США посредством НАТО, ни какому-либо иному государству. Гегемония ведет к применению политики баланса сил против гегемона. Уже сейчас это происходит, хотя медленно и неравномерно, поскольку сотрудничество с США все еще несет определенные выгоды для стран, привыкших, по мнению Уолца, перекладывать на Америку значительную часть груза своей ответственности¹⁵.

Как полагает Уолц, ничем не ограничиваемая власть, кому бы она ни принадлежала, для остальных представляет опасность. Гегемон может полагать (а США так и делают), что действует в интересах мира, справедливости и процветания во всем мире. Другие воспринимают это как несправедливые и односторонние действия и вполне могут попытаться изменить систему и вернуться к биполярности или многополярности. Китай и Япония, по мнению Уолца, уже действуют в этом направлении¹⁶.

¹³ Ibidem. P. 70-72.

¹⁴ Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. В. В. Львова/Послел. Г. А. Арбатова. – М., Ладомир, 1997. С. 640.

¹⁵ Waltz K. N. The Emerging Structure of International Politics. P. 74-77.

¹⁶ Waltz K. N. Evaluating Theories. P. 915-916.

Как утверждает профессор Дартмутского колледжа Майкл Мас-тандуно, стратегия США в области обеспечения безопасности, а также американская внешнеэкономическая стратегия четко укладываются в рамки двух реалистских теорий¹⁷. Теория баланса угроз описывает основную тенденцию американской политики безопасности – попытки удержать США на вершущке международной иерархии посредством поощрения и сдерживания остальных ведущих держав. Теория баланса сил описывает доминирующую тенденцию внешнеэкономической политики США – стремление мобилизовать экономику для успешной конкуренции с другими странами.

Структурные реалисты единодушны в том, что однополярный мир недолговечен. По их оценкам, другие страны станут объединяться в союзы, чтобы противодействовать неограниченной власти гегемона. Таким образом, гегемония США продлится не более 10 – 20 лет после окончания «холодной войны». Многополярный мир, по мнению нео-реалистов, менее стабилен, чем однополярный, поэтому они достаточно пессимистично оценивают будущее. В качестве потенциальных противников рассматриваются Япония, Германия или ЕС, Россия и Китай. Согласно теории баланса сил, переход от однополярности к многополярности неизбежен, рациональная стратегия для США должна это учитывать. Теория баланса угроз предполагает, что решение других государств объединяться против гегемона будет зависеть от его поведения. Теория баланса угроз позволяет продлить существование однополярного мира, если удастся убедить других, что гегемон не представляет для них угрозы. Подчеркивается различие, которое проводилось еще в классическом реализме Ганса Моргентау между государствами, стремящимися сохранить статус-кво и ревизионистами – или, по выражению самого Моргентау, – империалистическими государствами. Гегемон, согласно теории баланса угроз, должен прибегать к политике сдерживания и конфронтации только в отношении ревизионистов, одновременно стремясь показать сторонникам статус-кво, что также заинтересован в его сохранении. В отношении государств, еще не определившихся с выбором политики, гегемон должен проводить взвешенную и умеренную политику с тем, чтобы привлечь их в лагерь сторонников сохранения статус-кво.

По оценке М. Мас-тандуно, Германия и Япония являются сторонниками сохранения статус-кво, Германия рассчитывает на сохранение роли США и НАТО сохранение военного и ядерного присутствия США в Европе как гарантов стабильности и безопасности. Япония также рассчитывает на США. Намерения России оценить сложнее,

¹⁷ Mastanduno M. Preserving the Unipolar Moment: Realist Theories and U. S. Grand Strategy after the Cold War/International Security. – Vol. 21, No. 4 (Spring, 1997). P. 49-88. //http://links.jstor.org/sici?sici=0162-2889%28199721%2921%3A4%3C49%3APTUMRT%3E2.0.CO%3B2-D

признает автор. Хотя Россия и пытается вернуть часть своего утраченного влияния, но не имеет глобальной экспансионистской идеологии, скорее всего, больше будет заинтересована в разрешении внутренних экономических проблем, решению которых может способствовать внешняя помощь. Хотя трения между Россией и Западом возросли по сравнению с «медовым месяцем» 1990 – 1991 гг. в их отношениях, Россия, полагает М. Мастандуно, не стремится к созданию альянсов, направленных на противостояние могуществу США. Следовательно, необходимо убедить Россию в пользе сохранения статус-кво, отговорить от попыток возвращения к ревизионизму. Ради достижения данной цели М. Мастандуно рекомендует всячески демонстрировать отсутствие угроз безопасности России, предоставлять России возможности вернуть утраченный престиж, интегрировать Россию в существующий мировой порядок. Мастандуно считает, что США, действуя в полном соответствии с теорией баланса угроз, выражают озабоченность нарушениями прав человека в Чечне, однако не используют никаких санкций. Более того, демонстративно подчеркивается, что Чечня является неотъемлемой частью Российской Федерации¹⁸. Ради того, чтобы помочь поднять престиж России, ее приглашают в «большую семерку». Кроме того, Мастандуно подчеркивает, что администрация Клинтона привлекала Россию к участию в урегулировании конфликтов на Балканах, на Ближнем Востоке. Наиболее сложный вопрос – расширение НАТО, которое расценивается Россией как угроза безопасности. По оценке Мастандуно, НАТО призвана «институализировать присутствие США в исторически нестабильной зоне между Германией и Россией»¹⁹. НАТО в данной ситуации рассматривается не как предвестник возврата к стратегии сдерживания, но как барьер на пути возможной в будущем российской экспансии, возрождения германской *Ostpolitik*, а также как гарант против немецко-российского конфликта. Желание США обеспечить стабильность в восточной Европе, не обидев Россию, заставляет искать тонкий баланс, который призван заставить Россию поверить в дружелюбность НАТО. В целом, предпочтительная для США стратегия – получать одобрение Совета Безопасности ООН, легитимизировать свои действия в глазах великих держав, а затем действовать в рамках военных или дипломатических коалиций под руководством США.

Профессор Калифорнийского университета Кристофер Лэйн отмечает, что крушение Советского Союза кардинально изменило международную систему, однако в американскую глобальную стратегию не было внесено соответствующих изменений. Определяя свои цели и намерения, подбирая и отвергая союзников, США руководствуются

¹⁸ Ibidem. P. 69-70.

¹⁹ Ibidem. P. 71-72.

все той же стратегией превосходства²⁰, которая использовалась с 1945 по 1991 гг. Лэйн предлагает заменить ее на стратегию «оффшорного балансирования»²¹. В его понимании, выработка «большой стратегии» – это процесс, состоящий из трех стадий: 1) определение жизненно важных интересов безопасности государства; 2) определение угроз для этих интересов; 3) принятие решения о том, как наилучшим образом использовать политические, военные и экономические ресурсы государства для защиты этих интересов. Вырабатываемая стратегия отражает взгляды политических лидеров на природу международной политики, поэтому дебаты о большой стратегии государства являются одновременно дебатами о теории международных отношений. Поскольку теории не представляют собой некий монолит, на основе одной и той же теории могут выстраиваться противоречащие друг другу стратегии. И стратегия превосходства, и стратегия оффшорного балансирования выстроены в рамках политического реализма, однако дают различные рекомендации относительно внешней политики США. Ключевые элементы стратегии превосходства: создание и сохранение миропорядка под руководством США, основанного на превосходящей американской политической, военной и экономической мощи; максимизация американского контроля над международной системой и предотвращение появления в Европе и Южной Азии великих держав, которые могли бы составить конкуренцию США; поддержание экономической взаимозависимости, как важнейшего фактора безопасности США. Согласно логике этой стратегии, взаимозависимость является главным интересом, нестабильность представляет угрозу взаимозависимости, а расширенное сдерживание за счет утаивания (extended deterrence) – способ справиться с данной угрозой.

Хотя «холодная война» закончилась, Соединенные Штаты продолжают придерживаться стратегии превосходства. «Новый мировой порядок» администрации Буша и стратегия «вовлечения и расширения» (“engagement and enlargement”) администрации Клинтона отражают желание Вашингтона, чтобы международная система определялась американским могуществом и американскими ценностями. Американская политическая элита осознает, что не может предотвратить появление бросающей им вызов великой державы (Китая) за пределами своей сферы влияния. В своей же сфере влияния США делают все, чтобы сдерживать подъем конкурентов – сдерживание Германии и Японии происходит за счет встраивания их в экономические системы и

²⁰ Силовое превосходство (“preponderance of power”) – термин, введенный в широкое употребление известным историком «холодной войны» Мелвином Леффлером.

²¹ Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing: America's Future Grand Strategy//International Security. – Vol. 22, No. 1 (Summer, 1997) – p. 86-124. <http://links.jstor.org/sici?sici=0162-2889%28199722%2922%3A1%3C86%3AFPTOVA%3E2.0.CO%3B2-P>

системы безопасности, контролируемые США. Сегодня, как и во времена «холодной войны», целью военного присутствия США в Европе и Восточной Азии является обеспечение взаимозависимости и устранение дилеммы безопасности и проблемы относительного выигрыша в отношениях между государствами, находящимися в сфере влияния Вашингтона. Обязательства США по обеспечению безопасности по-прежнему простираются за пределы Европы и Восточной Азии. Стратегические императивы превосходства остаются теми же, что и в биполярном миропорядке: умиротворение и обеспечение спокойствия в Европе и Восточной Азии и защита этих регионов от дестабилизирующего влияния периферии.

В современном политическом реализме К. Лэйн выделяет оборонительный и наступательный подходы, которые одинаково определяют интересы США и, в основном, сходятся в определении основных угроз этим интересам. Различие между этими двумя подходами заключается в той роли, которую они отводят «мягкой» или «жесткой» формам могущества в стратегии превосходства и, следовательно, тем средствам, которые употребляются для проведения данной стратегии в жизнь.

И наступательный, и оборонительный реализм сходятся в положительной оценке гегемонии США в мире, а также в том, что данное положение дел было бы желательным увековечить. Последователи наступательного реализма считают, что государства должны пытаться максимизировать свое относительное могущество с тем, чтобы добиться безопасности. По их мнению, в жестоком мире конкуренции безопасность зависит от «жесткой» мощи (военного могущества и его экономического фундамента) и лучше быть самым первым. Для них стабильность системы (отсутствие войны, гонки вооружений, распространения ядерного оружия) является результатом наличия военного могущества США. Они считают, что сохранение гегемонии США значительно снижает шансы на возникновение войны между великими державами, однако эти шансы будут высокими, если международная система станет многополярной. Последователи наступательного реализма считают, что другие страны принимают гегемонию США, поскольку извлекают из нее выгоды, как экономические, так и в сфере обеспечения безопасности. Кроме того, у них просто нет выбора. Не умаляя значимости американских либерально-демократических ценностей, последователи наступательного реализма считают, тем не менее, что не эти ценности сами по себе, а именно военная мощь США определяют мир и стабильность в международной системе.

Оборонительный реализм предполагает, что государства стремятся максимизировать не свое могущество, а свою безопасность, причем международная система обладает значительным «запасом» безопасности. Исходя из этих положений, сторонники оборонительно-

го реализма заключают, что действия государств, направленные на максимизацию своего могущества (например, чрезмерная экспансия) являются результатом когнитивных факторов – например, неверного восприятия, либо результатом внутривнутриполитических патологий, а не обуславливаются давлением международной системы. Следовательно, от агрессии можно избавиться, если искоренить те деформации на уровне государства, которые, предположительно, являются ее причиной. Распространение демократии, экономическая взаимозависимость и развитие международных институтов должны выполнить данную задачу. Таким образом, что касается диагностики «неправильного» поведения государств и рецептов по его исправлению, оборонительный реализм сходится с либеральной теорией международных отношений. Сторонники оборонительного реализма используют теорию «баланса угроз», чтобы обосновать утверждение о том, что другие государства не будут прибегать к принципу баланса против гегемонии Соединенных Штатов. Еще одно их предположение говорит о том, именно из-за того, что США открыто выражают свою заботу об интересах других, государства предпочтут не противостоять им, а сотрудничать с ними. В-третьих, используя свою «мягкую мощь» – привлекательность американских ценностей и культуры – Соединенные Штаты могут снизить риск того, что другие государства будут считать их угрозой. По мнению последователей оборонительного реализма, власть гегемона основывается не только на военном и экономическом могуществе, но и на принятии другими его норм и принципов. Сторонники данной теории полагают, что именно американская гегемония не представляет угрозы для безопасности других стран, она необходима для сохранения стабильной международной системы, выгодной для всех государств, ее не принимают только государства-изгои. Примечательно определение государств-изгоев, которое дает К. Лэйн. По его мнению, государства-изгои – недемократические государства, не принимающие нормы, установленные Соединенными Штатами в международной системе. Данное определение принимает как данность абсолютную гегемонию США и позволяет при необходимости причислить к изгоям практически любое государство.

Предлагаемое К. Лэйном оффшорное балансирование – стратегия для уже появляющегося многополярного мира. Интересы США в ней понимаются узко, как защита территориальной целостности самих Соединенных Штатов и предотвращение появления евразийского гегемона. В рамках данной стратегии, считает Лэйн, Соединенным Штатам необходимо отказаться от своих обязательств по обеспечению безопасности в Европе, Японии, Южной Корее. Основные цели стратегии оффшорного балансирования – обезопасить США от войн великих держав в будущем и максимизировать свое относительное могущество в международной системе.

К. Лэйн указывает, что вероятность того, что в начале XXI в. появится евразийский гегемон, представляется чрезвычайно низкой. Более того, даже если подобный гегемон и появится, он не будет представлять угрозы ключевым интересам США. Стратегия превосходства основывается на том, что США должны предотвратить появление нового мирового лидера, поскольку другие государства не захотят придерживаться политики баланса сил против потенциального гегемона. Стратегия оффшорного балансирования предполагает, что в multipolarном мире государства постоянно прибегают к политике баланса сил, а у США будет возможность переложить эту ответственность полностью на них. Профессор Гарварда Сэмюэль Хантингтон в своей известной работе «Столкновение цивилизаций» говорит о том, что США теоретически могут избрать стратегию «вторичного» балансирования (например, если первичное балансирование против Китая будет осуществлять Япония). С. Хантингтон скептически относится к подобному «вторичному» балансированию, поскольку оно будет означать, что США будут занимать чрезвычайно изменчивую и весьма неприглядную своим непостоянством позицию²². Оффшорное балансирование отличается от рассматриваемой Хантингтоном стратегии тем, что для США нет необходимости постоянно участвовать в переменных альянсах. Пользуясь своим островным положением и географической удаленностью, США могут оставаться в стороне и вмешиваться только в том случае, если другие великие державы сами не будут справляться с задачей балансирования против потенциального гегемона. Стратегия превосходства, по мнению К. Лэйна, игнорирует геостратегические соображения – она возлагает наибольшие затраты на того партнера, который подвергается наименьшему риску²³.

Профессора Массачусетского технологического института Юджин Гольц, Дэрил Пресс и Харви Сапольски в качестве наиболее выгодной стратегии фактически предлагают новую форму изоляционизма, которая подразумевает «сдержанность вместо сдерживания», вывод воинских контингентов, но, в отличие от традиционного изоляционизма, предусматривает экономическую открытость, отказ от экономического протекционизма²⁴. Советской угрозы больше нет, но интересы США остались неизменными – мир и процветание. Однако теперь, по мнению авторов, наилучший способ их добиться – сосредоточиться на исправлении недостатков внутри страны. Это не означает полного изоляционизма, поскольку не должно быть каких-либо ограничений

²² Huntington S. P. *The Clash of Civilizations: Remaking of World Order*. – N.Y.: Simon & Schuster, 1996. P. 233.

²³ Layne C. *From Preponderance to Offshore Balancing*. P. 113-118.

²⁴ Gholz E., Press D. G., Sapolsky H. M. *Come Home, America: The Strategy of Restraint in the Face of Temptation/International Security*. – Vol. 21, No. 4 (Spring, 1997). P. 5-48. // <http://links.jstor.org/sici?sici=0162-2889%28199721%2921%3A4%3C5%3ACHATSO%3E2.0.CO%3B2-Z>

внешней торговли. Главными приоритетами американской внешней политики по-прежнему остаются обеспечение национальной безопасности и способствование процветанию США. (Примечательно, что Ганс Моргентау постоянным и неизменным элементом концепции национального интереса считал выживание государства как политической единицы и сохранение им своей идентичности, иными словами – сохранение своей территориальной целостности, политических институтов и культуры. Экономическое же процветание он относил к переменным элементам, поскольку оно по-разному понимается различными экономическими группами²⁵.) До сих пор политика сдержанности была неприемлема, сейчас, по мнению авторов, она представляет собой наилучший вариант из-за незначительности угроз безопасности США. Единственный регион, где нужно сохранить американское военное присутствие – Персидский залив. Военное присутствие в данном регионе необходимо для того, чтобы не допустить захвата одной державой контроля над основными запасами нефти, что само по себе не представляет угрозы безопасности США, однако угрожает их процветанию. С другой стороны, представляется выгодным минимизировать американское военное присутствие в регионе с тем, чтобы снизить накал антиамериканского национализма. Авторы политики сдержанности полагают также, что Израиль сам себя способен защитить, Америке не следует оказывать Израилю столь широкомасштабную поддержку. Кроме того, предлагается отказаться от военного присутствия США в Европе и Азии, предлагается также «распустить НАТО», т.е. не только вывести из Европы американские воинские контингенты, но и вывезти все оборудование, отказаться от обслуживания структур и коммуникаций²⁶.

С другой стороны, представляется необходимым продолжать и развивать борьбу с терроризмом. Политика сдержанности должна снизить накал антиамериканских настроений, на которых играют террористы, снизит уязвимость американских контингентов, но атаки на США не прекратятся. Необходимо значительно усилить разведывательную работу против терроризма и вести непримиримую борьбу с их спонсорами.

Что касается интересов США в сфере обеспечения своего процветания, кроме сохранения военного присутствия в Персидском заливе предлагается также вместе с союзниками обеспечивать свободу мореплавания²⁷.

Применение теорий международных отношений для определения внешнеполитической стратегии США можно проследить по работе Бар-

²⁵ Morgenthau H. Another "Great Debate": The National Interest of the United States//The American Political Science Review. – Vol. 46, No. 4 (Dec., 1952). P. 961-988. [http://links.jstor.org/sici?sici=0003-0554\(195212\)46:3A4%3C961%3AA%22DTN%3E2.O.CO%3B2-C](http://links.jstor.org/sici?sici=0003-0554(195212)46:3A4%3C961%3AA%22DTN%3E2.O.CO%3B2-C)

²⁶ Gholz E., Press D. G. Sapolsky H. M. Come Home, America. P. 18.

²⁷ Ibidem. P. 6-30.

ри Позена и Эндрю Росса²⁸. Барри Р. Позен – профессор политологии Массачусетского технологического института и один из руководителей «Семинара XXI» – образовательной программы по политике национальной безопасности для старшего офицерского состава, правительственных чиновников и крупных бизнесменов, а профессор Эндрю Л. Росс читает лекции по национальной безопасности в военно-морском колледже в Ньюпорте, Род-Айленд. Б. Позен и Э. Росс описывают различные «большие стратегии» США, предлагаемые учеными и политиками после окончания «холодной войны». Наибольший интерес представляют основанные на положениях и аналитическом инструментарии политического реализма стратегии нео-изоляционизма и избирательного вмешательства. Нео-изоляционизму соответствует минимальный, «оборонительный» реализм, стратегии избирательного вмешательства – традиционный реализм «баланса сил». Нео-изоляционизм (последователем которого является, например, советник Никсона и Рейгана Пэт Бьюкенен) – наименее популярная стратегия среди исследователей международных отношений. Стратегия нео-изоляционизма признает единственный жизненно важный интерес США – защиту безопасности, свободы и собственности американских граждан. Его сторонники утверждают, что в данный момент ни одно государство не может представлять угрозу безопасности, суверенитету или территориальной целостности США. После развала Советского Союза в Евразии сложился определенный баланс сил. Если Россия или Китай начнут усиливаться, то у евразийских государств имеется достаточный потенциал для их сдерживания. Более того, они еще и сдерживают друг друга. Нео-изоляционисты признают, что ядерное оружие значительно расширило возможности других государств угрожать безопасности США. С другой стороны, ядерное оружие сделало невозможным одержать победу над США в традиционной войне. Кроме того, наличие ядерного оружия у ряда европейских и азиатских государств приводит к тому, что они сдерживают друг друга, что делает практически невозможным появление гегемона, который установил бы контроль над Евразией.

Поскольку угроза для самой территории США отсутствует, вмешательство в дела других стран, как утверждают нео-изоляционисты, редко является оправданным. По их мнению, США не должны нести ответственность за поддержание миропорядка, да и не могут себе это позволить. Решением экономических вопросов должен заниматься частный сектор, а распространение идей демократии и прав человека с помощью идеологизированных «крестовых походов» порождает только негативные чувства по отношению к США.

²⁸ Posen B. R.; Ross A. L. Competing Visions for U.S. Grand Strategy // International Security. – Vol. 21, No. 3 (Winter, 1996-1997) – p. 5-53. // <http://links.jstor.org/sici?sici=0162-2889%28199624%2F199724%2921%3A3%3C5%3ACVFUGS%3E2.0.CO%3B2-G>

Нео-изоляционисты утверждают, что вмешательство США в политические споры только привлекает к ним излишнее внимание. Прекращение вмешательства США в международные конфликты позволило бы значительно снизить угрозу терроризма, вооруженного ОМУ. Ближневосточные террористы не стали бы планировать нападения на граждан США, если бы США не вмешивались в ближневосточные проблемы. Нео-изоляционисты считают, что США должны сохранить за собой свободу действий и стратегическую независимость, не вмешиваться в международные конфликты и выйти из всех альянсов, в том числе, из НАТО. При принятии стратегии, предлагаемой нео-изоляционизмом, большинство внешнеполитических проблем, стоящих сейчас перед США, будут сняты с повестки дня. Будущее НАТО будет определяться европейскими странами. Нео-изоляционисты считают, что североатлантический альянс стал анахронизмом, и США должны из него выйти. Проблемы на Балканах должна решать Европа, поскольку у США там нет конкретных материальных интересов. США более не будут беспокоиться о российских политических или экономических реформах, либо их отсутствии. Израилю и арабам придется разбираться со своими проблемами без вмешательства США. С Северной Кореей придется разбираться Южной Корее, стране, интересы которой и находятся под угрозой. США не будут также вмешиваться в гражданские войны и конфликты в Латинской Америке и Африке (например, на Гаити и в Сомали). Гуманитарная помощь, если и будет оказана, то только в случае стихийных бедствий – наводнений, землетрясений, эпидемий. Возможно, Соединенные Штаты сочтут нужным помочь какой-либо стране после окончания конфликта, но не будут вмешиваться, пока он не утихнет. США будут защищать только свои национальные интересы в самом узком их толковании, что позволит значительно сократить военный бюджет²⁹.

Стратегия избирательного вмешательства, сторонниками которой являются, например, профессор Брандейского университета Роберт Арт³⁰, профессор Массачусетского технологического института Стивен Ван Эвера, Барри Позен, предусматривает участие США в балансировании только в тех случаях, когда в конфликт могут быть вовлечены великие державы. Наиболее значимые из них – Россия, ведущие европейские державы, Китай, Япония. Задача данной стратегии – предотвратить войну между великими державами, поскольку в подобный конфликт будут втянуты и США. Стратегия основана на традиционном реализме баланса сил Ганса Моргентау и разделяет традиционные реалистские убеждения нео-изоляционистов о том, что государства могут прибегать к политике баланса сил, а наличие ядерного оружия

²⁹ Ibidem. P. 8-15.

³⁰ Art R.J. Geopolitics Updated: The Strategy of Selective Engagement.//International Security. – Vol. 23, No. 3 (Winter, 1998-1999). P. 79-113. <http://links.jstor.org/sici?sici=0162-2889%28199824%2F199924%2923%3A3%3C79%3AGUTSOS%3E2.0.CO%3B2-B>

укрепляет позиции тех, кто стремится сохранить статус-кво. С другой стороны, сторонники стратегии избирательного вмешательства признают, что тактика балансирования может потерпеть крах, государственные деятели могут ошибаться в своих расчетах, ядерное сдерживание может не подействовать. Для предотвращения этого, США должны использовать свою мощь в ключевых регионах. Балансирование легче и быстрее можно осуществлять при наличии лидера, ядерное сдерживание будет более успешным, а расчеты лидеров станут проще, если все осознают, что мощь США будет направлена против ревизионистов и в пользу тех, кто стремится сохранить статус-кво. Стратегия избирательного вмешательства должна дать великим державам понять, что США стремятся избежать войны великих держав в Евразии и готовы использовать свою внушительную военную мощь с тем, чтобы предотвратить возможную агрессию в этом ключевом регионе.

Для сторонников идеи избирательного вмешательства распространение ядерного оружия само по себе не является поводом для того, чтобы, пытаясь его предотвратить, превращать союзные или нейтральные государства в своих врагов. Действительно серьезную проблему представляют только страны со значительными политическими амбициями, показавшие свою определенную нечувствительность к возможным рискам и потерям. К таким странам в 1997 г. Б. Позен и Э. Росс относили Ирак, Иран и Северную Корею. По их мнению, самое главное в этих случаях – показать, что США следят за ядерными программами, занимают жесткую позицию, готовы пойти на самые крайние меры. Впрочем, относительно применения силы среди сторонников стратегии избирательного вмешательства единства нет. Они пытаются оценивать возможные риски и потери и приходят к выводу, что превентивные удары могут оказаться не самым подходящим вариантом.

Региональное соперничество между державами второго плана может стать проблемой в том случае, если оно способно спровоцировать конфликт между великими державами. Именно поэтому контроль над зоной Персидского залива продолжает оставаться ключевым интересом национальной безопасности США. Проблема состоит не столько в зависимости США от нефти, добываемой в странах Персидского залива, сколько в том, что от нее зависят другие великие державы. Борьба за контроль над этой зоной может вовлечь великие державы в конфликт между собой, либо спровоцировать борьбу за источники нефти в других регионах. Кроме того, если источники нефти попадут в руки одного амбициозного государства, это создаст значительный экономический потенциал, который может перерасти в серьезную военную угрозу. Если Ирак смог накопить столь значительную военную мощь с имевшимися у него ресурсами, то он смог бы стать значительно более могучим, контролируя нефть Кувейта или Саудовской Аравии. Даже если такая дер-

жава и не представляла прямой опасности для США, она бы стала источником такой опасности для многих своих соседей, а широкомасштабная война в зоне Персидского залива с возможным применением ОМУ является весьма нежелательной.

Таким образом, сторонники избирательного вмешательства выделяют три ключевых региона – Ближний Восток/Юго-западная Азия и два края Евразии: Европа и Восточная Азия. Наилучшим инструментом для обеспечения интересов США в этих регионах остаются традиционные альянсы. Стратегия избирательного вмешательства особенно подчеркивает необходимость сохранения НАТО, хотя и не настаивает на его расширении.

Сторонники стратегии избирательного вмешательства обращаются к проблемам этнических конфликтов только в тех случаях, когда они могут привести к войне с участием великих держав. Потенциал такого чрезвычайно опасного конфликта, по их мнению, может скрываться в вялотекущем на данный момент соперничестве Украины и России.

Большинство сторонников стратегии избирательного вмешательства выступают против расширения НАТО, т.к. верят в политику баланса сил и опасаются, что расширение НАТО на восток может спровоцировать Россию именно на те действия, которых хотели бы избежать США.

В целом, американские политические реалисты после крушения биполярного мира признавали, что монополярный мир недолговечен. Логика политического реализма привела их к выводу о том, что другие страны будут неизбежно стремиться к наращиванию своего могущества, что в конечном итоге приведет к появлению многополярной системы. Основной стратегической задачей американские реалисты считают обеспечение наиболее выгодного для США перехода к многополярности. Предлагаемые ими стратегии варьируются от фактического ухода в изоляционизм до попыток продлить глобальное доминирование США. Давая различные оценки значимости стран и регионов, американские политические реалисты практически единодушно считают Персидский залив ключевым для национальных интересов США.